

Л.Я. Шнейберг, И.В. Кондаков

«Когда погребают эпоху...»

<...>

Для всех, кто читал стихи Ахматовой военного времени, поэтесса ассоциировалась с матерью, обращающейся к своим безымянным сыновьям со словом надежды, скорби, утешения, с наказом и материнским всепрощением. В ней не было ничего официального, это была родная, а не приемная мать, сухая в эмоциях и жесткая в призывах; ее сочувствие и боль, благословение и молитва шли от сердца, от души, а не от пропагандистских заповедей (вроде придуманного А.Н. Толстым еще до войны лозунга «За Родину! За Сталина!»). Она была матерью каждого. И «питерских сирот», детей блокадного Ленинграда, и солдат-победителей, поднимающихся в гибельное наступление, и даже статуй в Летнем саду.

Вот обращение к статуе «Ночь»:

Ноченька!
В звездном покрывале,
В траурных маках, с бессонной совой...
Доченька!
Как мы тебя укрывали
Свежей садовой землей.
Пусты теперь Дионисовы чаши,
Заплаканы взоры любви.
Это проходят над городом нашим
Страшные сестры твои.

Сестрами статуи оказываются ночи блокадного Ленинграда, и все они — дочери лирической героини Ахматовой. А вот обращение к детям блокады:

Щели в саду вырыты,
Не горят огни.
Питерские сироты,
Детоньки мои!
Под землей не дышится,
Боль сверлит висок,
Сквозь бомбежку слышится
Детский голосок.

Материнским чувством пронизаны слова о юных солдатах, бойцах Советской Армии (среди которых воевал Лев Гумилев, выпущенный на время войны и еще ненадолго потом из лагеря):

Важно с девочками простились,
На ходу целовали мать,
Во все новое нарядились,
Как в солдатики шли играть.
Ни плохих, ни хороших, ни средних...
Все они по своим местам,
Где ни первых нет, ни последних...
Все они опочили там.

И в стихотворении, названном «Победителям»:

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».

Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки,—
Ваньки, Васьки, Алешки,
Гришки,— Внуки, братики, сыновья!

Все эти стихи Ахматовой, собственно составившие цикл «Ветер войны», написанные и в 1942, и в 1943, и в 1944, — в разные годы войны, связаны ощущением жертвенности воинского подвига, преодоления вражеского нашествия ценой жизни, зачастую неоправданной, бессмысленной гибелью. В отличие от многих писателей-современников, либо пренебрегавших приносимыми на алтарь Победы неисчислимыми человеческими жертвами, либо противопоставлявших гибели советских людей от немецких пуль и снарядов «науку ненависти», жестокий, едва ли не ветхозаветный зарок: «Сколько раз ты его увидел — столько раз ты его убей!» (К. Симонов), — Ахматова Уже с начала войны понимала несоразмерность человеческих жертв, пренебрежение советского командования к массам, бросаемым на прорыв, низкую цену человеческой жизни, установившуюся еще в конце 30-х годов, в период Большого террора. Отсюда скорбь, пессимизм в отношении хода Великой Отечественной войны. Трагическая интонация пронизывает и заключительную строфу «Поэмы без героя» (1940–1962), посвященную переживанию отступления и эвакуации в начальный период войны:

От того, что сделалось прахом,
Обуянная смертным страхом
И отмщенья зная срок,
Опустивши глаза сухие
И ломая руки, Россия
Предо мною шла на восток.

На этой траурной ноте Ахматова решила завершить последнее крупное произведение, которое она считала главным творением своей жизни. Поэт удержалась от того, чтобы дополнить скорбную мелодию оптимистическим заключением (продиктованное, оно было опубликовано, по-видимому, по цензурным соображениям, лишь в сборнике: *Ахматова Анна. Стихотворения. М., 1958*):

И себе же самой навстречу
Непреклонно в грозную сечу,
Как из зеркала наяву,
Ураганом с Урала, с Алтая
Долгу верная, молодая
Шла Россия спасать Москву.

Эти строки, написанные под впечатлением исторического момента в 1942 году, в Ташкенте, были отвергнуты не столько из художественно-эстетических соображений, сколько из идейных, концептуальных: Россию спасали не новые и новые сибирские эшелоны обреченных на гибель молодых солдат, а сила духа, мужество, воля к самосохранению в самых страшных испытаниях и, конечно, Судьба, Провидение, Божья воля. Формула Воскресения — *чудо*: «смертию смерть поправ»... Победа скорее *вопреки* всему, нежели благодаря...

Ахматовская установка на трагедийное осмысление войны не устраивала сталинских идеологов и пропагандистов. Она была скоро замечена и изобличена. И. Сергиевский, доказывая с пеной у рта «антинародность» поэзии Ахматовой, не стыдился писать:

«События Великой Отечественной войны продиктовали Ахматовой несколько стихотворений, которые можно было воспринять как свидетельство какого-то перелома, намечающегося в ее поэзии. Но ущербность ее поэтического сознания отразилась и в ее военной лирике. Война была проклятием для нашей страны. Но она была не только проклятием, “она была вместе с тем великой школой испытания и проверки всех сил народа” (Сталин), она раскрыла моральное величие народа, раскрыла лучшие стороны советских людей, воспитанные в нем социалистическим обще-

ственным строем и советским государством. Ахматова восприняла войну только как проклятие; в большинстве ее стихотворений ленинградского цикла военная тема раскрывается исключительно как тема боли и страдания. <...> В этих строках интонации причитания, плача подавляют все остальные. Ахматова не разглядела в советских людях того нового, что внесено в их сознание социалистическим общественным строем и советским государством. Защитникам Ленинграда она приписывает какие-то смертнические настроения, изображает их героическую борьбу, как слепое и покорное движение навстречу неминуемой гибели...»

Конечно же, Ахматова видела лучше, чем ее критик, и то новое, что было привнесено в сознание людей социалистическим строем и советским государством, и то, что это в большинстве случаев далеко не лучшие стороны советских людей. Видела Ахматова и героический характер войны с фашизмом, и патриотизм народного сопротивления; она верила в неизбежность победы над захватчиками. Но Ахматова видела и то, что сталинизм по своей бесчеловечной сути мало чем отличается от гитлеризма, что советское тоталитарное государство, развязавшее войну со своим народом (еще до нападения фашистской Германии), ничем не лучше нацистского Третьего Рейха. Поэтому смысл войны, патриотизма, народности в поэзии Ахматовой так отличается от сталинского официоза. Вот знаменитые, исключительные по лаконизму стихи поэта, написанные в начале войны:

Клятва

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит!

(Июль 1941, Ленинград)

Произносимая клятва — вне политики, вне идеологии: это клятва перед лицом будущего (детям) и прошлого (могилам). Переломность исторического момента в том, что может прерваться время, могут погибнуть нация, страна, культура, обладающие богатым прошлым и не менее славным будущим, под угрозой сама История в преемственности всех поколений — тех, кто в могилах; тех, кто любит и живет этой любовью; тех, кто только родился или родится. И клятва дается в том, что родина, народ, культура, каждый отдельный человек не могут быть и не должны быть покорены.

Другое классическое стихотворение этого времени:

Мужество

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем.
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

(23 февраля 1942)

Не политические реликвии, не идеологические жупелы спасаются из плена, а русская речь — начало, объединяющее нацию и страну, основа русской культуры и русской поэзии, начало и материальное и духовное одновременно. С этой *мерой мужества* не сопоставимыми оказываются и смерть, и потеря крова, и плен. На весах Истории лежит *свобода слова, чистота русской речи, величие культуры*, созданной на русском языке, людьми, говорящими по-русски, ее *будущее*, которое дано осуществить детям и внукам

ныне живущих и гибнущих за сохранение русской речи в мире, на территории своей поруганной и оскверненной страны.

Но есть в военных стихах Ахматовой и горький упрек, и скрытое обвинение, и боль собственного бессилия исправить преступное равнодушие руководителей страны, предавших Ленинград на медленное вымирание с голоду, страну на дальнейшее обескровление — сознательное или инерционное продолжение террора 1935–1940. Во второй строке стихотворения «Птицы смерти в зените стоят...» задается жестокий и прямой вопрос: «Кто идет выручать Ленинград?» И поэту нечего ответить: никто не идет; «безжалостна эта твердь / И глядит из всех окон — смерть».

Тем же тягостным чувством проникнуты стихи на освобождение Ленинграда:

27 января 1944

И в ночи январской, беззвездной,
Сам дивясь небывалой судьбе,
Возвращенный из смертной бездны,
Ленинград салютует себе.

Это образ воскресения города из мертвых. Чудо. Беззвездная, беспросветная ночь лишь подчеркивает «небывалость» этого события. Другой отклик на освобождение Ленинграда, такое запоздалое, такое страшное,— «Причитание» (1944):

Ленинградскую беду
Руками не разведу,
Слезами не смою,
В землю не зарюю.

Я не словом, не упреком,
Я не взглядом, не намеком,
Я не песенкой наемной,
Я не похвальбой нескромной

.....
А земным поклоном
В поле зеленом
Помяну.

(1944, Ленинград)

Несомненное фольклорное начало здесь переосмысливается, даже оспаривается. Наивная народная магия бессильна помочь в этой беде. Не только не исправить ее, но и не утешить людей в их горе. Можно лишь помянуть погибших. Их так же много, как в «отнятом списке» жертв, упоминаемом в «Реквиеме». По сути, бессчетный список. И Ахматова находит выход: в памяти живых мертвые так же живы, как я сами живые. Смысл жизни живых — помнить обо всех и обо всем:

In memoriam

А вы, мои друзья последнего призыва!
Чтоб вас оплакивать, мне жизнь сохранена.
Над вашей памятью не стыть плакучей ивой,
А крикнуть на весь мир все ваши имена!
Да что там имена!

Захлопываю святцы;
И на колени все!

Багряный хлынул свет!
Рядами стройными проходят ленинградцы,
Живые с мертвыми. Для Бога мертвых нет.

(1942)

Военные стихи Ахматовой — это еще один реквием, в котором соединились скорбь о погибших, боль за страдания живых, трагедия войны, бессмысленно кровопролитной и в то же время спасительной для страны и нации, для русской культуры. Своеобразным реквиемом по целой исторической и культурной эпохе является и «Поэма без героя». Многие фрагментарные стихотворения послевоенного времени сами собой сливаются в монументальное целое, пронизанное трагическими мотивами близкой смерти, утраты друзей, быстротечного «бега времени», загубленной поэзии, сожженной вместе с хранившей ее тетрадью... Это реквием поэта по себе...

<...>